

Когда Тан Цзюань вернулся, он застал Шэнь Цзюэ сидящим на кровати в обнимку с одеялом. Тот смотрел в одну точку, погруженный в свои мысли.

Заметив Тан Цзюаня, он расплылся в улыбке, от которой глаза превратились в полумесяцы. Выглядел он донельзя кротким.

— Иди завтракать, нам пора в путь, — Тан Цзюань выложил купленную еду на стол.

— Ты ходил за завтраком? — Шэнь Цзюэ окинул взглядом его продрогшую фигуру, казалось, тот провел на улице немало времени.

Тан Цзюань одарил его таким взглядом, словно спрашивал, не собирается ли тот продолжать нести чужь, и, не отвечая, сел за стол, чтобы позавтракать самому.

— Костяные бабочки летают только днем, а твой Сюэмин — нет. Мы действительно сможем его догнать? — Тан Цзюань поделился своими опасениями с Шэнь Цзюэ, который умывался за его спиной.

— А что делать? По ночам мы все равно не знаем, куда идти. Не угадывать же? Если выберем неверное направление, придется возвращаться, только зря силы потратим, — Шэнь Цзюэ небрежно вытер лицо. — К тому же Сюэмин не станет лететь на пределе сил вечно, он не дурак.

— Ты уверен? — Тан Цзюань хмыкнул. — Эта глупая птица — не дурак?

— Пока так и поступим. Если не выйдет — решим на месте. Сейчас все равно нет смысла ломать голову, — Шэнь Цзюэ на собственном опыте знал, что планы редко поспевают за переменами. — Ешь быстрее, закончим и двинемся в путь.

Шэнь Цзюэ ел очень деликатно, быстро и бесшумно. Его щеки слегка раздувались, когда он делал маленькие глотки. Тан Цзюань давно заметил: если еда приходилась Шэнь Цзюэ по вкусу, уголки его губ едва заметно приподнимались. Если же нет — он молча проглатывал кусок, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Чего ты на меня уставился? Я что, приправа к твоему обеду? — не думай, что он не заметил, как Тан Цзюань то и дело бросал на него тайные взгляды.

— Тогда я должен был бы потерять аппетит, а это даже хорошо — сэкономим провизию, — невозмутимо ответил Тан Цзюань.

Эй, парень, что за тон? Шэнь Цзюэ закатил глаза.

— Держи, — Тан Цзюань положил перед ним стопку банкнот.

— Это что... — Шэнь Цзюэ отложил палочки и пересчитал деньги. Пятьсот лян. — Откуда они?

Он боялся, что Тан Цзюань рискнул отправиться в связной пункт Шэньяншань за деньгами. Если они снова выдадут себя Ху Шаньяню, а Ху Юаньпэн сейчас в затворе, то Шэньяншань окажется под полным контролем Ху Шаньяня, и их положение станет еще опаснее.

Тан Цзюань посмотрел на него с горькой усмешкой:

— Чего такая реакция? Думаешь, я пошел грабить?

Лучше бы ты пошел грабить, подумал Шэнь Цзюэ и бросил на него сердитый взгляд. Но он знал: Тан Цзюань скорее пойдет просить милостыню, чем совершит разбой.

— Не ты ли просил меня что-нибудь заложить? Чего теперь возмущаешься? — он никак не мог понять, что на уме у этого гадала.

— Ты... ты заложил тот нефрит? — Шэнь Цзюэ вспомнил, как вчера в шутку ляпнул это, лишь бы отвлечь внимание Тан Цзюаня. Он и подумать не мог, что тот действительно это сделает. Шэнь Цзюэ усмехнулся: — Что ж, тоже неплохо. Наконец-то появились деньги.

Он улыбался, но Тан Цзюань отчетливо видел в его глазах глубокую печаль.

— Жалеешь о нефрите? — Тан Цзюань не находил других причин. Он ни разу не видел, чтобы Шэнь Цзюэ жалел о людях, так почему же он так расстроился из-за какой-то безделушки? — Ты же говорил, что этот нефрит очень важен для тебя.

— Да, важен. Поэтому я продал парчу Хайюнь, — ответил Тан Цзюань. — Но в этом маленьком городке нашлось немного знатоков, цену выше не дали. Помимо этих пятисот лян, у меня есть еще пятьсот и немного мелкого серебра. Этого должно хватить, чтобы найти Сюэмина, — он допил остатки каши. — Как только ко мне вернется внутренняя энергия, станет легче.

Шэнь Цзюэ оцепенело смотрел на него. Когда Тан Цзюань поднял взгляд, он виновато опустил голову, пряча глаза: он знал, что только что выдал себя.

— М-м, план хороший, — рассеянно пробормотал он.

— Я давно хотел спросить, господин, — Тан Цзюань смотрел на него, не желая упустить ни единого движения лица. Шэнь Цзюэ казался легким в общении, но его слова были смесью правды и лжи. Каждую эмоцию он выдавал живо и точно.

Слишком точно. От отравления до потери Сюэмина и преследования — все это были внезапные происшествия, но в реакциях Шэнь Цзюэ не было ни капли искреннего удивления. Он вел себя так, словно отрепетировал эту роль сотни раз: когда нужно — тревожился, когда нужно — сохранял хладнокровие, а если не выходило — отшучивался. Словно он играл с ним в спектакле, решительно отказываясь показывать свое истинное лицо.

Но только что, когда он решил, что нефрит продан, на этом идеально отрепетированном лице промелькнула настоящая, горькая печаль. Тан Цзюань решил попробовать сорвать маску.

— Господин, мы ведь были знакомы давным-давно? — Тан Цзюань имел в виду не те полмесяца, а время до того, как он стал первым учеником Шэньяншаня, когда он был просто Тан Цзюанем.

В глазах Тан Цзюаня отражалось звездное небо. Когда он смотрел так пристально, устоять было невозможно. Шэнь Цзюэ отложил миску, поднял голову и тоже посмотрел на него с полной серьезностью. Бывают вещи, от которых невозможно сбежать.

— Да.

Сердце Тан Цзюаня дрогнуло. Значит, его предчувствие не обмануло: он действительно был знаком с Шэнь Цзюэ.

— Ты был совсем маленьким, — Шэнь Цзюэ улыбнулся и показал рукой уровень своего бедра. — Мне было двенадцать. Стоял полдень, солнце палило нещадно, я работал в поле, и вдруг откуда ни возьмись появился маленький господин в богатых одеждах. Лет четырех-пяти, не больше.

Шэнь Цзюэ погрузился в воспоминания:

— Малыш отстал от служанки и хотел пить. Я принес его домой, боясь, что на такой жаре он может заболеть. Он был таким красивым: губы алые, зубы белые, щеки розовые. Мои родители души в нем не чаяли. Тогда мы жили неплохо, и отец в шутку сказал, что если его не найдут, мы его усыновим. Малыш пробыл у нас два дня, пока не пришла служанка. Сказала, что они из семьи Тан, попали в засаду разбойников, и они с юным господином разминулись. Этим ребенком был ты, Тан Цзюань.

Тан Цзюань смутно помнил тот случай. Он знал, что в четыре года терялся, но деталей не помнил. Теперь, слушая Шэнь Цзюэ, он чувствовал странную смесь узнавания и чужеродности. Что-то было не так.

— Тан-шаося, наверное, уже ничего не помнит? — Шэнь Цзюэ улыбнулся с отеческой нежностью. — Те два дня я носил тебя на руках, переодевал и купал.

Тан Цзюань чувствовал, как с каждым словом его лицо заливают краски.

— И даже помогал тебе сходить в туалет.

— Довольно! — Тан Цзюань пожалел, что вообще задал этот вопрос.

— Тан-шаося, ты ведь спрашивал, почему я спас тебя у перевала Бань Юэ?

— Ты узнал меня? — Тан Цзюань не мог в это поверить. Прошло восемнадцать лет!

Шэнь Цзюэ кивнул, его взгляд скользнул по поясу Тан Цзюаня:

— Честно говоря, я увидел, что ты одет богато, но тяжело ранен. Сначала подумал снять с тебя одежду, чтобы заложить ее, а тебя — по-человечески похоронить.

Тан Цзюань усмехнулся про себя: он был прав, тогда в бреду он не ослышался, этот тип действительно собирался его закопать.

— Но когда я снимал одежду, то увидел шрам у тебя на пояснице.

Тан Цзюань машинально коснулся того самого места.

— Этот шрам оставил я. Ты тогда плакал, просился гулять, и мне пришлось отвести тебя в храм Земли. Ты был таким озорником, хотел схватить ароматическую палочку, а когда я не дал — устроил истерику. Я зажег тебе маленькую палочку, но ты снова закапризничал. В итоге, когда я взял тебя на руки, палочка случайно обожгла тебе поясницу. А ты от испуга еще и описался.

Тан Цзюань был готов провалиться сквозь землю от стыда. Он схватил Шэнь Цзюэ за запястье:

— Хватит! Забудь про детство!

— Хорошо, — послушно кивнул Шэнь Цзюэ, хотя улыбка в его глазах не угасла.

Тан Цзюаня пробрала дрожь.

— Господин Шэнь, пора в путь! — снаружи уже вовсю светило солнце. Если не поторопиться, они никогда не догонят Сюэмина.

<http://bllate.org/book/21261/2152862>